

РАВНОВЕСНАЯ РОМАНТИКА

Дж. У. Мэйнстринг

*Пер. с американского и комментарии
Ефима Кандопожского*

Осенью 1925 года спокойствие известного своим пуританством экономического сообщества Североамериканских Соединённых Штатов оказалось взорванным необычной новеллой Дж. МЭЙНСТРИНГА. Как позже вспоминал его ближайший друг Фулл СПАММЕР, автор работал над ней несколько месяцев, хотя известно, что свои объёмные монографии Мэйнстринг с лёгкостью сотворял всего за два-три дня, безмерно досаждая этим талантом своим тяжкопишущим собратям по экономическому разуму.

Новелла скрывала загадку, – известный своей скандальностью Мэйнстринг явно обличал, но кого?

Сторонники классической школы исподтишка намекали на феминистские пристрастия представителей экономического гедонизма, «австрийцы» радовались «гендерной» трактовкой Мэйнстринга точки равновесия, а будущие кейнсианцы напирали на «маскулинность» прямого отрезка предложения.

Историки американской экономической мысли до сих пор недоумевают – в те годы ничто не предвещало публикуемой ниже (впервые на русском языке) эпатажной выходки Дж. Мэйнстринга, но мэтр оказался пророком и на этот раз: его странная новелла сегодня привлекает большее внимание экономистов, чем уделяется его некогда знаменитым сочинениям.

Эрни внезапно проснулся посреди ночи. Будто острая боль пронзила его, истощённый чтением экономических фолиантов, мозг.

Он невольно застонал и сел, сонно оглядывая свою жалкую съёмную комнатку.

Было полнолуние. Луна бесстыдно сияла, рождая в людях греховные мысли. Но для Эрни её мистический свет странно сконцентрировался на графике равновесного рынка, любовно вычерченным им накануне вечером.

Эрни приблизился к чертежу.

Вновь, в который раз, страстно, он всматривался в самый совершенный на свете треугольник – сверхлаконичную фигуру, образуемую единичноэластичными линиями спроса и предложения и завершаемую загадочной точкой «эквиполюс».

И вдруг он как будто прозрел – да ведь это же абрис упругой, изящной, задорно торчащей груди молодой прекрасной женщины, абрис, в котором смачно обозначенная точка равновесия жгуче напомнила ему божественно-коричневый кончик левой груди Кэтти, на который он с таким обожанием взирал все эти дни (правую ей удалось скрыть от жадных глаз Эрни).

Эрни оглянулся, – чертежи, которыми была заставлена его комнатка, вдруг ожили: абсолютно неэластичный отрезок линии предложения вызвал у него ассоциацию с возбуждённым юношей, кривая циклического движения макроэкономики напомнила об упоительном покачивании в кровати вместе с Кэтти, а кейнсианский крест говорил о бесконечности любви...

Эрни давно поэтизировал теорию рынка, но никому об этом не говорил. Он называл линию спроса про себя «женской линией», поскольку она своим нисходящим

видом неслышно шептала ему об извечно женской уступчивости перед мужским напором. Линия предложения представляла в его глазах «мужской линией» упрямства. А точка равновесия...

И ВДРУГ ЭРНИ НЕ ВЫДЕРЖАЛ, – ОН НАКЛОНИЛСЯ К ЧЕРТЕЖУ И, НЕОЖИДАННО ДЛЯ САМОГО СЕБЯ, ПОЦЕЛОВАЛ МАНЯЩУЮ ТОЧКУ РАВНОВЕСИЯ!

Глаза его увлажнились, и маленькая слезинка упала на график.

«Я буду, буду исследователем рыночной экономики, – билось в его полусонной голове, – но не тем равнодушным прикладником, который всё сводит к моделям и алгоритмам, – я буду романтиком рынка, я опрокину гармонией алгебру, я заставлю зазеленеть даже сухую теорию...»

В дверь постучали, и послышался недовольный голос хозяйки:

– Господин Эрни, с вами всё в порядке? Вы кричите, хотя на дворе ночь. Дать вам успокоительное? Это, видимо, снова тот самый график равновесной цены, о котором Вы рассказывали моей Кэтти? Она тоже не спит..

Эрни обомлел, – оказывается, он потерял над собой контроль и его мечты стали известны всем, даже хозяйке, муж которой, г-н Данцигмаейер, служил на соседней кафедре старшим лаборантом и любил посплетничать насчет Эрни.

– Благодарю вас, мэм, всё хорошо.

Он снова прилёг. Сквозь наваливающуюся дрему он взглянул на график – и обомлел: ему показалось, будто «равновесная грудь» задорно кольхнула.

Эрни зарылся в подушку и, шепнув – «О, моя маленькая равновесная Кэтти», – умиротворённо заснул.

... Луне стало скучно. Она стала поспешно спускаться за горизонт, небрежно кивнув восходящему Солнцу³.

³ От переводчика: к сожалению, биография Дж. Мэйнстринга полна загадок и мы никогда не сможем сказать, откуда ему, например, стал известен ещё неопубликованный тогда «кейнсианский крест» в хиксианской интерпретации, однако, несомненно - Мэйнстринг оказал на развитие американской экономической мысли огромное, хотя и легкомысленное, влияние.